

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/67/11

ПАТРИОТИЗМ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Вячеслав Викторович Маленков

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, vvmalenkov@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются патриотизм и гражданственность как ключевые параметры политики макроидентичности, описывается их роль и соотношение в структуре самоидентичности представителей молодого поколения. Эмпирической базой исследования выступают данные анкетного опроса ($n = 1\,364$) молодежи Тюмени в возрасте от 16 до 30 лет, проведенного в ноябре–декабре 2019 г. Делается вывод о пересечении патриотических и гражданских ориентаций в части обязательств и долга, символических действий, демонстрирующих лояльность стране, но отрицательной корреляцией между отождествлением себя в качестве патриотов и критической гражданственностью.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, политика макроидентичности, самоидентичность, молодежь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00632).

Для цитирования: Маленков В.В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131. doi: 10.17223/1998863X/67/11

Original article

PATRIOTISM, CIVICISM IN POLITICS AND IDENTITY OF YOUTH

Vyacheslav V. Malenkov

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, vvmalenkov@gmail.com

Abstract. The article includes a theoretical and practical part. In the theoretical part, an attempt is made to determine the role of patriotism and citizenship in the policy of macro-identity, and the related issues are clarified. A review of the main approaches to the definition of patriotism as a political phenomenon, theoretical models and typologies proposed by Western scientists – recognized experts in this field is made. The practical part describes some of the key parameters of the patriotic and civic self-identification of young people, their relationship with critical and active citizenship. The empirical basis of the study is the data of a questionnaire survey ($n = 1,364$) of Tyumen youth aged 16 to 30, conducted in November – December 2019. The sample is representative in terms of sex and age (error within 5%), formed by a spontaneous selection of respondents. For statistical data processing, the analysis of contingency tables, as well as cluster analysis (k-means method) was used. Three groups of young people were singled out depending on their patriotic self-identification: identifying themselves as patriots, classifying themselves as patriots only in part, and not considering themselves patriots. The patriotic aspect of self-identification correlates with three groups of citizenship parameters: critical citizenship, responsible citizenship, and active citizenship. Cluster analysis made it possible to classify respondents according to a set of parameters that characterize critical citizenship. Based on this, in groups

with different patriotic orientations, two categories of respondents were identified – loyal and critically oriented. The conclusion is made about the intersection of patriotic identity and civic orientations of young people in terms of civic obligations and responsibilities, as well as in relation to formal symbolic behavior demonstrating loyalty to various actors representing the macropolitical community. Attitudes associated with critical citizenship, on the contrary, reduce the degree of young people's identification as patriots. Respondents who do not consider themselves patriots are characterized by an increased level of criticality – they negatively assess the situation with political rights and freedoms in the country, trust the authorities less, but are more interested in the opportunity to influence and control it.

Keywords: patriotism, civicism, macro-identity politics, self-identity, youth

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, Project No. 19-011-00632.

For citation: Malenkov, V.V. (2022) Patriotism, civicism in politics and identity of youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 120–131. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/11

Введение

Гражданственность и патриотизм играют ключевую роль в функционировании современных обществ. Несмотря на особенности воспроизводства институтов власти в разных странах, они могут выполнять роль базовых структур, интегрирующих социально-политические системы, ключевых механизмов, формирующих, а также обеспечивающих сохранение и укрепление гражданского здоровья современных наций [1], поддержание их пульса и жизненного тонуса, сглаживание эффектов гиперсегментации. Данные феномены тесно связаны между собой, однако их репрезентация в контексте политических культур и политических режимов значительно варьируется, что определяет характер конструируемых макрополитических структур, их субъектную и ценностно-символическую составляющую.

В нашей стране, особенно в последнее десятилетие, патриотизм стал важной частью политики идентичности [2], инициированной и координируемой на самом высоком уровне управления для обеспечения сплоченности российского общества, в том числе с властью. Поэтому неудивительно, что сам концепт и соответствующая проводимой политике модель патриотической идентичности, постоянно транслируемые в публичном дискурсе, укоренились в общественном сознании.

Опросы общественного мнения последние годы фиксируют высокую степень отождествления российских граждан себя в качестве патриотов. По результатам исследования 2018 г. ВЦИОМ зафиксировал максимальный показатель – 92% опрошенных относили себя к таковым (51% ответили «да, безусловно» и 41% «скорее да») [3]. По данным ФОМ, в 2019 г. 73% считали себя патриотами, 21% отрицали это [4], а летом 2020 г. 82% скорее считали себя таковыми, в то же время 14% скорее не считали [5]. При этом наблюдаются некоторые поколенческие различия при ответе на данный вопрос – среди молодежи (от 18 до 30 лет) количество идентифицирующих себя как патриоты несколько меньше – 68% в 2019 г. (в старших когортах – 70–78%) [4], 73% в 2020 г. (в старших когортах – 82–84%) [5].

Результаты впечатляют, однако являются ли они свидетельством исключительно положительной тенденции, можно ли их интерпретировать однозначно как благо для общества? Г. Ариели отрицательно отвечает на данный

вопрос. По результатам сравнительного анализа данных исследования (методом многоуровневой регрессии) в 93 странах он обнаружил, что граждане более развитых из них, глобализированных реже гордятся своей страной, тогда как высокий процент патриотов наблюдается в странах с высокой социальной поляризацией и религиозной однородностью, а также находящихся в состоянии внешнего либо внутреннего конфликта [6. С. 353]. Очевидно, что автор имеет в виду патриотизм не как некую универсальную меру, а доминирующий в вертикальных обществах тип патриотизма и складывающиеся под его влиянием ценностные ориентации. Противоположная модель, часто обозначаемая как гражданский патриотизм, более представлена в горизонтальных обществах.

В принятой в 2020 г. редакции закона «Об образовании» обозначена в качестве приоритетной цель – воспитание, наряду с патриотизмом, гражданственности. Их интеграция могла бы повлиять на трансформацию доминирующего в России, особенно в последние десять лет, защитно-милитаристского патриотизма в гражданский, горизонтальный. Это предполагает повышение значимости демократического гражданства, сочетающего высокую социальную и политическую активность с ориентацией на общее благо, гражданскую ответственность, конструктивный (критический) патриотизм.

Концептуальная рамка исследования

Говоря о гражданско-патриотических ориентациях, следует иметь в виду, что в разных культурных контекстах акцент может смещаться либо в одну сторону – гражданства, либо в другую – патриотизма. При этом данные понятия являются во многих случаях взаимозаменяемыми, особенно учитывая, что в современных обществах они в значительной степени являются результатом социального конструирования. Например, говоря об обязательствах и долге человека перед своей страной, государством, нацией, гражданских добродетелях (*civic virtues*), можно использовать как термин «гражданская ответственность», так и «патриотизм». Говорить о политической и других видах социальной активности можно в контексте качеств «хорошего гражданина» (*good citizen*), но то же самое часто описывают с помощью добавления к патриотизму прилагательных «активный» и «деятельный».

Аналогично существует понятие «критическое гражданство», равно как и разные вариации критического патриотизма. Конкретное же содержательное наполнение и того и другого зависит от контекста, субъектной составляющей и выбора дискурсивной стратегии, предполагающего апелляцию к разным нормативным конструкциям. Существует распространенное предположение, что доминирование патриотизма над гражданственностью вплоть до полного нивелирования последней характерно для дискурсов, доминирующих в авторитарных системах, в то время как в демократических полициях патриотизм чаще оказывается встроенным в гражданственность.

Приводя данные, согласно которым девять из десяти американцев признают себя патриотами, Дж. Вестхаймер отмечает: многие люди называют себя патриотами, но их убежденность в этом моментально исчезает, если спросить у них же что означает данный термин [7. С. 49]. Одни ассоциируют его с лояльностью государству, другие находят смысл патриотизма в противостоянии последнему. Первый вариант связывают с вертикальным патрио-

тизмом, носителем которого являются люди, далекие от гражданской культуры. В то время как во втором случае речь идет о патриотизме горизонтальном, субъектом которого является человек, наделенный гражданскими качествами, культурой гражданственности.

Для различения гражданского патриотизма и негражданского не существует какого-то универсального критерия. Противопоставление осуществляется по многим параметрам и имеет обычно дихотомическую форму, например, «государственное – гражданское», «этническое – гражданское», «локальное – национальное», «национальное – глобальное», «традиционное – современное» и т.д.

Патриотизм часто сравнивают с национализмом, первый чаще всего имеет положительные коннотации, второй – негативные. В этой связи Р. Брубейкер заметил, что часто такое сравнение сводится к попытке отличить хороший патриотизм от плохого национализма [8. С. 120]. Однако, по его мнению, и патриотизм, и национализм определенного формата, могут помочь развитию более устойчивых форм гражданства, а именно солидарности, взаимной ответственности и гражданской приверженности на национальном уровне, слабость которых, как ему представляется, определяет анемичное состояние американского гражданства в начале XXI в. При этом он уточняет: «...я не имею в виду национальную гордость, ее больше, чем нужно в Соединенных Штатах. Я имею в виду солидарность и ответственность за своих сограждан и за то, что делает правительство страны от имени нации» [8. С. 123–124].

Э. Штауб ввел для описания различий между «плохим» и «хорошим» патриотизмом понятия «слепой патриотизм» и «конструктивный патриотизм». Первый, как показали проведенные исследования, положительно коррелирует с политическим размежеванием, этническим национализмом, акцентированием внешней угрозы, формализмом и нетерпимостью к критике, тогда как второй имеет гражданское начало, связан преимущественно с гражданской вовлеченностью, ответственностью за судьбу страны и критической позицией в отношении действий разных субъектов, осуществляемых от имени нации [9. С. 15].

В зарубежной литературе распространено выделение авторитарной и демократической модели патриотизма. Первый, как отмечает Дж. Вестхаймер, в крайней своей точке предполагает безоговорочную верность лидеру или доминирующей группе [7. С. 50], а инакомыслие рассматривается как опасное и дестабилизирующее [10. С. 610]. Демократический же патриотизм – это приверженность не столько государственным учреждениям, сколько людям (согражданам), принципам и ценностям, лежащим в основе демократии, таким как участие в политической жизни, свобода слова, гражданские свободы и социальное равенство [7. С. 51] – для него характерно уважительное и даже поощряющее отношение к инакомыслию [10. С. 610]. В этом контексте гражданский патриотизм, как полагают Дж. Строун и А. Андриот, отражает даже не столько привязанность к определенной нации, сколько ценности и убеждения, связанные с демократическим гражданством [11. С. 556].

А. Палумбо предлагает рассматривать патриотизм через патриотическую идентичность, выделяя четыре его типа: этический, гегемонистский, защитный и «ура-патриотизм» [12. С. 329]. В его интерпретации только этический

имеет подлинную гражданскую природу, остальные же отдалены от нее в большей или меньшей степени. Например, гегемонистский содержит в себе, наряду с сильной гражданско-инклюзивной составляющей, и более традиционные механизмы, основанные на противопоставлении «мы–они». Имея внушительную мировоззренческую и ресурсную базу, такая модель патриотизма часто претендует на универсальность и используется как инструмент усиления внешнего влияния. Фундаментом защитного патриотизма является стремление сохранить этническую сплоченность и культурную аутентичность, поэтому основной режим его функционирования – нейтрализация внешних угроз, недопущение вторжения извне.

Прямой противоположностью этического патриотизма как гражданского является ура-патриотизм, в центре которого эссенциалистские представления о нации, служащие материалом для выстраивания соответствующей макроидентичности. Патриотизм здесь выступает фактически инструментом дифференциации «мы» и «они». Для него характерно подчеркивание исключительности, обилие разграничительных и ранжирующих понятий, постоянная апелляция к миссии, судьбе. Ура-патриотизм превозносит воинственные добродетели, а для усиления эффекта формирует также образ внутренних врагов [12. С. 330].

Описанные выше типы патриотизма и соответствующие им модели ориентаций обобщенно можно разделить на вертикальные и горизонтальные. Заметим, что первые существуют не только в авторитарных режимах, в то же время репрезентация горизонтальной модели составляет специфику именно демократических систем. В последнее время появилось множество работ, описывающих механизмы обеспечения консолидации общества, в том числе в демократических странах, с помощью патриотической риторики, ее интеграции в публичный дискурс, когда патриотизм выступает инструментом «секьюритизации политического дискурса, общенациональной повестки» [13]. Эффект, получаемый в результате применения этих методов, а именно усиление национальной солидарности и резкое повышение уровня конформизма в краткосрочном периоде, называют «ралли вокруг флага» (the rally round the flag effect) [14]. В демократических системах он сохраняется относительно недолго, а в авторитарных конституируется, становясь основой взаимодействия власти с обществом.

Механизмы патриотической мобилизации сверху (преимущественно, административными методами) успешно работали как в советский период, так и позднее [15–17], формируя соответствующие социально-политические установки. Начиная с 2014 г. они стали основой реализуемой на макроуровне политики идентичности, символической политики [18–21].

Исследователи феномена патриотизма в российском обществе констатируют слабую связь его с гражданством, гражданственностью, которые практически не представлены как на уровне публичного дискурса, так и в общественном сознании [15, 22, 23]. Это привело к ситуации, когда на уровне дискурсивных практик многое из того, что называется гражданственностью и воспроизводится в западном контексте как гражданские добродетели (civic virtues), нормы «хорошего гражданства» (good citizenship, good citizen), в российском формально маркируется как патриотизм, а содержательно ограничи-

вается понимаемыми в эссенциалистском смысле обязательствами и долгом перед государством.

Другие же составляющие, например элементы критического и активного гражданства, являющиеся важной частью современной западной модели гражданственности [24. С. 251], вообще исключаются из публичной репрезентации либо трактуются в негативном ключе. Эта же структура устойчиво воспроизводится на уровне общественного сознания, в том числе молодежи, определяя не только установки в гражданской сфере, но и более широкий спектр связанных с этим ценностных ориентаций, жизненных стратегий.

Такая постановка вопроса определила замысел и структуру предпринятого эмпирического исследования. Его цель – выявить специфику гражданских ориентаций респондентов, идентифицирующихся в качестве патриотов, и тех, которые не считают себя таковыми. Фактически речь идет о некотором контурном описании гражданского профиля представителей молодого поколения, имеющих разную патриотическую самоидентичность – либо совпадающую с доминирующей в публичной повестке, либо отличающуюся.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования являются данные анкетного опроса, проведенного в ноябре–декабре 2019 г. Объектом исследования выступили молодые люди от 16 до 30 лет, проживающие в Тюмени. Выборка ($n = 1\,364$) формировалась посредством стихийного отбора респондентов, репрезентативна по полу и возрасту (ошибка в пределах 5%).

В процессе обработки данных применялся анализ таблиц сопряженности, а для оценки уровня критических ориентаций респондентов использовался кластерный анализ (метод k -средних), позволивший выявить группы лояльных и критически настроенных как среди идентифицирующих, так и среди неидентифицирующих себя в качестве патриотов.

Результаты исследования

Под патриотической идентичностью при обработке данных понималось отождествление респондентами себя в качестве патриотов (полное или частичное) либо отказ определять себя как патриотов. Показателем для замера данного признака являлся ответ на вопрос: «Можете ли Вы назвать себя патриотом?». В результате около четверти опрошенных (24%) определенно считают себя патриотами и примерно пятая часть (21%) к таковым себя не причисляют. Почти половина опрошенных (48%) указали, что могут назвать себя патриотами лишь отчасти. Остальные 6% затруднились определить себя в этой системе координат.

Вместе с тем отнесение себя к одной из обозначенных групп, хотя и может влиять на соответствующие установки, но не полностью их определяет. Особенно в ситуации, когда патриотическая повестка доминирует, а тема гражданственности существует на задворках публичного дискурса, возникающая патриотическая идентичность может сильно диссонировать с гражданскими ориентациями. Последние определялись как совокупность установок, характеризующих отношение к тем или иным параметрам гражданства, гражданским ценностям. Выделено три категории переменных, образующих структуру гражданских ориентаций: критические установки (элементы кри-

тического гражданства), гражданский долг и обязанности (ответственное гражданство), гражданская активность (элементы активного гражданства).

Поскольку формирование конформизма выступает одним из базовых элементов реализуемой политики патриотической идентичности, логично предполагать влияние соответствующих установок (лояльное или критическое отношение) на определение либо отказ определять себя в качестве патриотов. Для выявления соотношения лояльных и критически настроенных респондентов в каждой из обозначенных выше групп (достаточно условно их обозначили как «лояльные» и «критики») был использован метод кластеризации.

В качестве критериев для классификации выступили следующие показатели:

1) оценка опрошенными частоты нарушения гражданско-политических прав и свобод (свобода слова и массовой информации; право проводить митинги, собрания, демонстрации; право участия в управлении государством; активное и пассивное избирательное право);

2) уровень доверия к органам власти (при анализе использовались показатели доверия региональной и местной власти);

3) оценка важности для респондентов политических прав и свобод, связанных с возможностью оппонирования власти (возможность критиковать и контролировать власть, высказывать свое мнение по политическим вопросам без опасения за личную безопасность, свобода информации и собраний).

Соответственно, в категорию критически ориентированных вошли те, кто, во-первых, считает, что все политические права и свободы, перечисленные в анкете, «часто нарушаются». Во-вторых, уровень доверия к действующей на локальном уровне власти у них минимален («совсем не доверяю»). В-третьих, они высоко ценят возможность свободно оппонировать власти, влиять на нее.

Среди патриотов доля критически ориентированных составила 20%, среди считающих себя патриотами лишь отчасти – 34%, а не считающих себя патриотами – 46%. Данная категория респондентов в рассматриваемых трех группах имеет очень похожий профиль, практически идентичную количественную конфигурацию показателей.

Не отнесенные к критически настроенным, в разных группах не демонстрируют такую же однородность позиции по совокупности обозначенных выше показателей. Среди патриотов оставшиеся 80% рассматривают возможность влиять на власть, контролировать ее «достаточно значимой» для себя, но в остальном демонстрируют конформизм – позитивно оценивают ситуацию в области политических прав и свобод в стране (доминируют ответы «скорее не нарушаются»), «в основном доверяют» власти на локальном уровне.

Лояльная часть признающих себя лишь отчасти патриотами и не считающих себя таковыми вообще демонстрируют сходные установки – для них «достаточно значимым» является возможность влияния на власть, при этом оценка соблюдения прав и свобод в этой области скорее позитивная (превалирует ответ «бывает, что нарушаются»). По вопросу доверия власти большинство дали неопределенный ответ («трудно сказать точно»).

По всем параметрам, определяющим гражданственность как интегрированность в национально-государственную систему и несение соответствующих обязательств, ответственности, наблюдаются довольно существенные различия между патриотами и не считающими себя патриотами (табл. 1). Отличия по данным переменным между лояльными и критически ориентированными сегментами внутри этих групп оказались весьма незначительными.

Быть гражданином важно для 93% патриотов, в то время как среди не относящих себя к ним 44%. Еще более отчетливая разница в отношении выраженности чувства гражданского долга. Среди первых его ощущают 85%, большая же часть вторых (72%) отрицают его наличие. У идентифицирующихся в качестве патриотов существенным является внесение вклада в развитие страны (91%), тогда как непатриоты немного чаще отрицают это, чем принимают (52% против 48%). Большинство патриотов (92%) испытывают положительные эмоции, когда звучит гимн России. Среди же представителей противоположной позиции преобладают (63%) те, кто не испытывает аналогичных чувств. Историческим прошлым страны интересуются 85% считающих себя патриотами и только половина из тех, кто не считают себя таковыми.

Таблица 1. Элементы ответственного гражданства (гражданский долг, обязательства), % по каждой группе

Вариант ответа	Считающие себя патриотами	Считающие себя патриотами лишь отчасти	Не считающие себя патриотами
<i>Быть гражданином очень важно для меня</i>			
Да, абсолютно верно	50	23	8
Скорее да	43	58	36
<i>Мне присуще чувство гражданского долга в отношении нашей страны</i>			
Да	48	18	4
Скорее да	37	45	12
<i>Мне важно вносить личный вклад в благополучие страны</i>			
Да, абсолютно верно	43	16	6
Скорее да	47	61	42
<i>Я испытываю положительные эмоции, когда звучит гимн России</i>			
Да, абсолютно верно	60	27	5
Скорее да	21	54	32
<i>Я интересуюсь историческим прошлым России</i>			
Да, абсолютно верно	45	23	15
Скорее да	42	50	37
<i>Быть гражданином для меня лично означает:</i>			
Уважать государство, власть	33	23	13
Быть преданным и связанным чувством долга со своей страной	37	25	9
Способствовать сохранению традиций российской государственности	30	26	14

Среди патриотов больше тех, кто проявляет более высокую гражданскую вовлеченность и придает большее значение гражданско-политическому участию (табл. 2). Например, доля указавших, что регулярно следят за политическими событиями в стране, колеблется от 52% среди непатриотов до 77% у патриотов. Примерно в таком же диапазоне варьируются различия в отношении ценности для респондентов участия в политике, выборах, управлении государством.

Таблица 2. Элементы гражданско-политической активности и ценности активного гражданства, % по каждой группе

Вариант ответа	Считающие себя патриотами		Считающие себя патриотами лишь отчасти		Не считающие себя патриотами	
	Лояльные	Критики	Лояльные	Критики	Лояльные	Критики
<i>Регулярно следят за политическими событиями в стране</i>						
Да, абсолютно верно	30	57	12	27	10	32
Скорее да	45	29	52	46	32	33
	75	86	64	73	42	65
<i>Часто обсуждают политические события, социально-экономические новости, общественные и мировые проблемы (Сумма вариантов ответа «Очень часто» и «Достаточно часто»)</i>						
Со своими друзьями, знакомыми	42	64	26	46	25	54
Со своей семьей (родителями, родственниками)	42	61	29	35	17	36
С коллегами, одноклассниками, одногруппниками	33	66	22	30	15	36
В сети Интернет, в социальных сетях	21	36	16	18	17	24
<i>Считают очень важным для себя:</i>						
Отставание своих интересов и прав, влияние на власть	28	56	31	45	39	51
Участие в политике	17	38	11	18	5	15
Участие в выборах	51	65	32	39	16	41
Участие в общественной жизни	42	56	30	36	15	35

Характерно, что признаки активного гражданства более отчетливо проявляются среди критически ориентированных респондентов – различия с лояльными по некоторым позициям составляют в два и более раза, что подтверждает гипотезу о высокой взаимосвязи активного и критического гражданства.

Заключение

Респонденты с разной патриотической идентичностью существенно различаются по всем трем рассмотренным параметрам гражданственности. Во-первых, каждая группа выделяется по соотношению лояльных и критически ориентированных молодых людей. Если среди патриотов доля, высказывающих критические позиции относительно функционирования локальной власти и ситуации с соблюдением гражданско-политических прав и свобод, составила всего 20%, то среди колеблющихся – практически треть (34%), а среди неидентифицирующих себя в качестве патриотов близка к половине (46%). Во-вторых, патриоты и непатриоты отличаются в вопросах, касающихся гражданского долга и обязательств, количественно в среднем примерно в два раза в пользу первых. В-третьих, более высокая гражданско-политическая активность и ценности активного гражданства также прослеживаются среди считающих себя патриотами. При этом критически настроенные во всех трех группах гораздо ближе к модели активного гражданства, чем респонденты-конформисты.

Список источников

1. *America's Civic Health Index Report*. 2008. URL: <https://ncoc.org/research-type/2008-civic-health-index> (дата обращения: 10.09.2020).

2. *Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–28.
3. *Что значит быть патриотом?* // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3685. 09.06.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156> (дата обращения: 10.09.2020).
4. *Патриотизм.* Сколько в стране патриотов? Должен ли каждый быть патриотом? И каковы критерии патриотизма? // Еженедельный опрос «ФОМнибус» 8–9 июня 2019 г. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14222> (дата обращения: 10.09.2020).
5. *Критерии патриотизма.* Надо ли быть патриотом? И что для этого нужно? // Еженедельный всероссийский телефонный опрос ФОМ. 31 июля – 2 августа 2020 г. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14446> (дата обращения: 10.09.2020).
6. *Ariely G.* Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries // *Identities*. 2017. Vol. 24, № 3. P. 351–377.
7. *Westheimer J.* Thinking about patriotism // *Educational Leadership*. 2008. Vol. 65, № 5. P. 48–54.
8. *Brubaker R.* In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism // *Citizenship Studies*. 2004. Vol. 8, № 2. P. 115–127.
9. *Schatz R.T., Staub E., Lavine H.* On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20, № 1. P. 151–174.
10. *Westheimer J.* Politics and Patriotism in Education // *Phi Delta Kappan*. 2006. Vol. 87, № 8. P. 608–620.
11. *Straughn J.B., Andriot A.L.* Education, Civic Patriotism, and Democratic Citizenship: Unpacking the Education Effect on Political Involvement // *Sociological Forum*. 2011. Vol. 26, № 3. P. 556–580.
12. *Palumbo A.* Patriotism and pluralism: identification and compliance in the post-national polity // *Ethics & Global Politics*. 2009. Vol. 2, № 4. P. 321–348
13. *Vultee F.* Securitization: A new approach to the framing of the “war on terror” // *Journalism Practice*. 2010. Vol. 4, № 1. P. 33–47.
14. *Mueller J.E.* Presidential Popularity from Truman to Johnson // *The American Political Science Review*. 1970. Vol. 64, № 1. P. 18–34.
15. *Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В.* Современные модели российской гражданственности // *Социологические исследования*. 2016. № 11. С. 97–106.
16. *Магарил С.А.* Смыслы патриотизма – исторические трансформации // *Социологические исследования*. 2016. № 1. С. 142–151.
17. *Щербинин А.И.* Патриотизм как номенклатурный конструкт // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016. № 35. С. 264–271.
18. *Гуков Л.Д.* Патриотическая мобилизация и ее следствия // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2018. № 1-2. С. 81–123.
19. *Kalinina E.* Becoming patriots in Russia: biopolitics, fashion, and nostalgia // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45, № 1. P. 8–24.
20. *Patriotic Mobilisation in Russia.* Europe Report № 251. 4 July 2018. Brussels : International Crisis Group.
21. *Rogov K.* “Crimean Syndrome”: Mechanisms of Authoritarian Mobilization // *Russian Politics & Law*. 2016. Vol. 54, № 1. P. 28–54.
22. *Лубский А.В.* Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // *Гуманитарий Юга России*. 2019. Т. 8, № 2. С. 47–66.
23. *Селезнева А.В.* Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 38. С. 200–208.
24. *Фан И.Б.* Западноевропейская модель национального гражданства в российских условиях // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 52. С. 246–254.

References

1. USA. (2008) *America’s Civic Health Index Report*. [Online] Available from: <https://ncoc.org/research-type/2008-civic-health-index> (Accessed: 10th September 2020).
2. Malinova, O.Yu. (2010) *Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoy Rossi: simvolicheskaya politika v transformiruyushcheysoy publichnoy sfere* [The construction of a

macro-political identity in post-Soviet Russia: a symbolic policy in a transforming public sphere]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political expertise: POLITEX*. 6(1). pp. 5–28.

3. *Press-vypusk VTsIOM*. (2018) Chto znachit byt' patriotom? [What does it mean to be a patriot?]. 9th September. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156> (Accessed: 10th September 2020).

4. *FOMnibus*. (2019) Patriotizm. Skol'ko v strane patriotov? Dolzhen li kazhdy byt' patriotom? I kakovy kriterii patriotizma? [Patriotism. How many patriots are there in the country? Should everyone be a patriot? And what are the criteria for patriotism?]. 8th – 9th June. [Online] Available from: <https://fom.ru/TSennosti/14222> (Accessed: 10th September 2020).

5. *Ezhenedel'nyy vserossiyskiy telefonnyy opros FOM*. (2020) Kriterii patriotizma. Nado li byt' patriotom? I chto dlya etogo nuzhno? [The criteria for patriotism. Should you be a patriot? And what you need to do?]. 31st July – 2nd August. [Online] Available from: <https://fom.ru/TSennosti/14446> (Accessed: 10th September 2020).

6. Ariely, G. (2017) Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries. *Identities*. 24(3). pp. 351–377. DOI: 10.1080/1070289X.2016.1149069

7. Westheimer, J. (2008) Thinking about patriotism. *Educational Leadership*. 65(5). pp. 48–54.

8. Brubaker, R. (2004) In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism. *Citizenship Studies*. 8(2). pp. 115–127.

9. Schatz, R.T., Staub, E. & Lavine, H. (1999) On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*. 20(1). pp. 151–174. DOI: 10.1111/0162-895X.00140

10. Westheimer, J. (2006) Politics and Patriotism in Education. *Phi Delta Kappan*. 87(8). pp. 608–620.

11. Straughn, J.B. & Andriot, A.L. (2011) Education, Civic Patriotism, and Democratic Citizenship: Unpacking the Education Effect on Political Involvement. *Sociological Forum*. 26(3). pp. 556–580. DOI: 10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x

12. Palumbo, A. (2009) Patriotism and pluralism: identification and compliance in the post-national polity. *Ethics & Global Politics*. 2(4). pp. 321–348. DOI: 10.3402/egp.v2i4.2002

13. Vultee, F. (2010) Securitization: A new approach to the framing of the “war on terror”. *Journalism Practice*. 4(1). pp. 33–47. DOI: 10.1080/17512780903172049

14. Mueller, J. (1970) Presidential Popularity from Truman to Johnson. *The American Political Science Review*. 64(1). pp. 18–34. DOI: 10.2307/1955610

15. Gavrilyuk, V.V., Malenkov, V.V. & Gavrilyuk, T.V. (2016) Contemporary models of Russian citizenship. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 97–106. (In Russian).

16. Magaril, S.A. (2016) Meanings of patriotism – historical transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 142–151. (In Russian).

17. Shcherbinin, A.I. (2016) Patriotism as a nomenclature construct. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 35. pp. 264–270. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/35/28

18. Gudkov, L. (2018) Patriotic mobilization and the consequences thereof. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 1-2. pp. 81–123. (In Russian). DOI: 10.24411/2070-5107-2018-00006

19. Kalinina, E. (2017) Becoming patriots in Russia: biopolitics, fashion, and nostalgia. *Nationalities Papers*. 45(1). pp. 8–24. DOI: 10.1080/00905992.2016.1267133

20. EU. (2018) Patriotic Mobilisation in Russia. *Europe Report*. №251. 4th July 2018.

21. Rogov, K. (2016) “Crimean Syndrome”: Mechanisms of Authoritarian Mobilization. *Russian Politics & Law*. 54(1). pp. 28–54. DOI: 10.1080/10611428.2021.2002065

22. Lubskiy, A.V. (2019) Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the deficiency of citizenship in Russian patriotism. *Gumanitarniy Yuga Rossii – Humanities of the South of Russia*. 8(2). pp. 47–66. (In Russian). DOI: 10.23683/2227-8656.2019.2.3

23. Selezneva, A.V. (2017) Patriotism as a political value: political-psychological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 38. pp. 200–208. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/38/20

24. Fan, I.B. (2019) The Western European model of national citizenship in Russian conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 52. pp. 246–254. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/22

Сведения об авторе:

Маленков В.В. – кандидат социологических наук, доцент, кафедра менеджмента и бизнеса Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: vvmalenkov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Malenkov V.V. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Department of Management and Business, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vvmalenkov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.12.2020;
одобрена после рецензирования 25.04. 2022; принята к публикации 11.07.2022
The article was submitted 02.12.2020;
approved after reviewing 25.04. 2022; accepted for publication 11.07.2022*